

И приведен был Элиасов посланец пред очи короля Марка.

– Слушай, приятель, – сказал сэр Тристрам, – поспеши к господину твоему и скажи, чтобы он дал залог со своей стороны, как король даст залог со своей стороны. И еще скажи твоему господину, что сэр Тристрам, рыцарь короля Артура из дружины рыцарей Круглого Стола, завтра встретится с твоим господином, дабы вести с ним бой верхами, куда достанет сил у коня, а после того – пеший бой до последнего дыхания.

Оглядел посланец сэра Тристрама с головы до ног и с тем отбыл. И, явившись к своему господину, передал ему ответ сэра Тристрама.

Наутро выдали заложников с обеих сторон и принесли все заверения, со всей возможной ясностью, что кому ни достанется победа, то уж раз навсегда. И собрались оба войска с обоих концов поля под стенами Тинтагиля, и ни на ком не было оружия, кроме сэра Тристрама и сэра Элиаса. И вот когда приготовления были окончены, они разъехались, а потом пустили друг другу навстречу коней во весь опор и так ударили один другого, что рухнули оба, и кони и всадники, наземь. Но тут же вскочили оба на ноги, перетянули щиты свои на грудь и с обнаженными мечами в руках стали так рубиться друг с другом, словно пламя полыхало над ними. И рубились они то наседая, то приседая, рассекая друг на друге панцири и шлемы, щербя щиты и нанося один другому столь жестокие раны, что горячая кровь бежала на землю.

Так бились они в продолжение часа, когда стал вдруг сэр Тристрам слабеть и изнемогать, и потекла его кровь обильно, и сильно подался он назад. Видя это, стал наседать на него сэр Элиас с новой яростью и нанес ему множество свежих ран. А сэр Тристрам все изворачивался и уклонялся, отступая то в одну, то в другую сторону, из последних сил заслонялся щитом; и все говорили, что он побежден, ибо на один его удар сэр Элиас отвечал двадцатью.

И поднялся смех на стороне саксонцев, а на стороне короля Марка громкий плач.

– Увы, – воскликнул король Марк, – мы все опозорены и погублены навсегда!

Ибо, как повествуется в Книге, никогда еще не приходилось сэру Тристраму в бою так тяжело, разве только когда бился он с сэром Ланселотом. Остановились они и посмотрели вокруг себя и видят, одна сторона смеется, а другая плачет. И вспомнил тогда сэр Тристрам о своей даме, Изольде Прекрасной, взиравшей на него, и подумал он, что, может быть, никогда уже ему не быть с нею вместе. И тогда поднял он щит свой, что уже касался земли, и ринулся на сэра Элиаса и осыпал его свирепыми ударами, двадцать на один, и рассек ему надвое щит и панцирь, так что хлынула кровь его горячая на землю потоком.

Тут стали смеяться король Марк и все корнуэльцы, а на той стороне стали плакать. А сэр Тристрам крикнул сэру Элиасу:

– Покорись!

Пошатнулся сэр Элиас, споткнулся, и при виде того сказал ему сэр Тристрам:

– Сэр Элиас, я от души о тебе сожалею, ибо ты – превосходнейший рыцарь, какого я когда-либо встречал, не считая сэра Ланселота.

И с тем сэр Элиас повалился на землю и умер.

– Что еще должен я сделать? – спросил сэр Тристрам короля Марка. – Ибо этот бой окончен.

И разошлись все. Король Марк многих из них оставил у себя пленниками в возмещение вреда и ущерба, остальных отослал на родину собирать выкуп. А сэру Тристраму обмыли и исцелили все раны. Но несмотря ни на что, король Марк не оставлял своих замыслов убить сэра Тристрама, однако сэр Тристрам, хоть и видел это и слышал про коварство короля Марка, не прятался от него, но, где бы ни была Изольда Прекрасная, там и он был подле нее.

Мы же теперь оставим это и поведем речь о менестрелях, посланных в Корнуэлл сэром Ланселотом и сэром Динаданом. Вот на большой пир, что задал король Марк по случаю изгнания из страны саксонцев, явился менестрель Элиот с песней, сложенной сэром Динаданом. Он пробрался тайно к сэру Тристраму и пересказал ему Динаданову песню о короле Марке. Выслушал ее сэр Тристрам и сказал:

– Господи Иисусе! Дивно, как этот сэр Динадан способен и добро творить и зло. На этот раз он задумал злое дело!

– Сэр, – спрашивает Элиот, – возможно ли мне спеть эту песню перед королем Марком?